

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИОГРАФИИ И МЕТОДОЛОГИИ ИСТОРИИ

УДК 94 (47).043-073
DOI 10.17223/19988613/45/18

Д.А. Ананьев

КРЕСТЬЯНСКИЕ ПЕРЕСЕЛЕНИЯ В СИБИРЬ И НА ДАЛЬНИЙ ВОСТОК В ПОРЕФОРМЕННУЮ ЭПОХУ В ОЦЕНКАХ АНГЛО-АМЕРИКАНСКИХ И НЕМЕЦКИХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ (КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XXI в.)

Выявляются подходы англо-американских и немецких исследователей к изучению истории массовых крестьянских переселений в Азиатскую Россию в дореволюционный период. Установлено, что работам западных авторов, опубликованным в первой половине XX в., присущи объективизм, использование «универсальных теорий» (колонизации, модернизации), стремление рассмотреть историю крестьянских миграций в общеевропейском и глобальном контексте. Во второй половине XX – начале XXI в. исследователи сосредоточились на изучении особенностей крестьянских миграций в условиях «сибирского фронта». Наряду с разнообразием теоретико-методологических подходов для рассматриваемого исследовательского направления характерна широкая палитра оценок переселенческого движения, от преимущественно критических в начале XX в. до преимущественно положительных – в современной историографии.

Ключевые слова: историография; история Сибири; крестьянские переселения.

В дореволюционной истории Сибири и Дальнего Востока западные исследователи нередко выделяют рубеж XIX–XX вв. как особый период, отмеченный вступлением Азиатской России на путь модернизации, ускорением социально-экономического развития и, как следствие, изменением геополитической роли восточных регионов Российской империи. Наряду с сооружением Транссибирской магистрали существенным фактором, способствовавшим упрочению российского присутствия в Азии, послужили массовые крестьянские переселения – «ключевой элемент «внутренней колонизации» [1. S. 19].

История массовых миграций на востоке России привлекала внимание многих зарубежных авторов – представителей особого исследовательского направления, связанного с изучением аграрной истории России. Как отмечает Д. Мун, начало данному направлению на Западе положили труды А. фон Гакстгаузена и Д. Маккензи Уоллеса [2–4], опубликованные в XIX в. В дальнейшем ведущая роль в его развитии сохранялась за немецкими и британскими (а со второй трети XX в. – и американскими) учеными.

Историографический анализ их работ дается в обобщающих трудах, посвященных современному западному россиеведению (Е.Б. Шашина, Н.С. Бичерова, О.В. Большакова) [5–7], а также специальных исследований, затрагивающих более узкие темы. В частности, англоязычная и немецкоязычная историография социально-экономического развития дореволюционной России освещается в работах М.Д. Карпачева, А.В. Карагодина, А.Г. Дорожкина [8–10]; исследования по истории русского крестьянства – в статьях С.И. Жука, Дж. Брукса, Б. Эклофа, Дж. Чэннона [11–13]. Работы британских и американских историков, посвященные столыпинской аграрной реформе, изучали П.Н. Зыря-

нов, И.Д. Ковальченко, Н.Б. Селунская, О.В. Ефимов и др. [14–21].

В историографии отмечается, что для западных авторов характерно стремление вписать аграрную историю России в общемировой контекст. Так, Т. Шанин [22] и Б. Эклоф [12] характеризуют черты российского крестьянского быта как региональные вариации глобальной крестьянской культуры и считают необходимым рассматривать историю русского крестьянства рубежа XIX–XX вв. как часть всемирного исторического материала, не воспринимая их как некое «отклонение» от европейского образца (который сам является одним из «отклонений» в мировой истории). Им вторит С. Хок, утверждающий, что круговая порука, чересполосица, периодические переделы земли представляли собой разновидности приемов «уклонения от рисков», общие для крестьянства многих стран [23].

В XX в. повышенный интерес западных специалистов к истории русского крестьянства объяснялся не только популярностью проблематики «социальной истории», но и тем, что, по определению Т. Шанина, «на протяжении всего XIX в. и значительной части XX в. две трети населения России составляли крестьяне. <...> Выражаясь количественно, крестьяне и были Россией». [8; 22. Р. 102]. В полной мере сказанное можно отнести и к Сибири. Отмечая доминирующую роль крестьянства в социальной структуре и сходство методов колонизации в европейской и азиатской частях Российской империи, западные историки в то же время призывали уделять пристальное внимание региональным особенностям.

Решению данной задачи отчасти способствовали исследования по аграрной истории Сибири и в частности истории крестьянских миграций, опубликованные англо-американскими и немецкими авторами в конце

XIX – начале XXI в. Отдельные работы западных сибиристов анализировали Г.Я. Дубовский, Л.М. Горюшкин, А.Н. Сагайдачный, С.В. Передерий, А.Г. Дорожкин [24–28]. В настоящей статье предпринята попытка комплексного историографического анализа работ англо-американских и немецких авторов и оценки их вклада в изучение истории массовых крестьянских переселений в Сибирь и на Дальний Восток в пореформенный период.

На рубеже XIX–XX вв. в Германии появилось значительное количество работ, посвященных проблемам истории социально-экономического развития России. Их авторы (Г. Шульце-Гевеверниц, Г. Крамер, К. фон Цепелин, С. Гельфферих, В. Витчевский, О. Хетцш, В.Д. Прейер и др.) в большинстве своем не являлись профессиональными историками. Обращение к прошлому представляло для них интерес прежде всего с точки зрения поиска ответов на актуальные вопросы современности. Большинство исследователей писали о позитивных тенденциях в российской экономике, хотя состояние сельского хозяйства России многими оценивалось как кризисное [10]. По мнению А.Г. Дорожкина, наибольшую объективность в освещении российских реалий демонстрировали представители так называемого консервативно-реформаторского направления (В. Витчевский, К. Гельфферих, О. Хетцш), которые увязывали прогресс в развитии России с проведением консервативных (т.е. в рамках существующей политической системы) реформ.

К данному направлению можно отнести и работы известного немецкого экономиста и дипломата Курта Виденфельда (1871–1955), который, в частности, подверг обстоятельному анализу ход и итоги крестьянских переселений в Сибирь в специальном разделе своей монографии «Сибирская магистраль в ее экономическом значении», опубликованной в 1900 г. [29]. Источниками для К. Виденфельда послужили труды дореволюционных российских исследователей (в первую очередь А.А. Кауфмана), отчеты Комитета Сибирской железной дороги (КСЖД), материалы российской печати.

Историю сибирских переселений К. Виденфельд рассматривал с позиций концепции «колонизации», различая при этом «внутреннюю колонизацию» (в случае с Западной Сибирью, давно обжитой несколькими поколениями русских колонистов), «внешнюю» (имевшую место на Дальнем Востоке); «военную» и «штрафную». Примечательно, что в кратком очерке, посвященном истории освоения Сибири, ведущую роль в общем колонизационном процессе К. Виденфельд отводил русскому крестьянству, а не казакам, промышленникам или государству.

Анализируя эволюцию колонизационной политики правительства, К. Виденфельд положительно оценивал переселенческое законодательство 1840–1850-х гг., инициированное главой Министерства государственных имуществ П.Д. Киселевым и оказавшее благотворное влияние на Сибирь. В период реформ 1860–1870-х гг.,

по мнению исследователя, ситуация изменилась к худшему, поскольку добиться разрешения на выход из своей общины и на переселение в другую местность крестьяне могли лишь после уплаты выкупной суммы, что было под силу далеко не многим. К тому же помещики старались не допустить дальнейшего оттока рабочей силы, а правительство отказалось от идеи оказания крестьянам какой-либо дополнительной материальной помощи.

Послабления (по закону от 30 июля 1865 г.) были сделаны лишь для тех, кто переселялся в Алтайский округ, земли которого являлись частной собственностью Романовых, а также в новоприобретенную Амурскую область, о необходимости «русификации» которой говорил еще гр. Н.Н. Муравьев-Амурский. Однако, как указывает К. Виденфельд, во второй половине XIX в. переселенческое движение на Дальнем Востоке не было заметным, что отчасти объяснялось различиями в природно-климатических условиях, отчасти – удаленностью региона и значительными финансовыми затратами на переезд и обустройство на новом месте.

В 1880-х гг. правительство, по мнению К. Виденфельда, старалось не столько оживить и поощрить переселения, сколько удерживать их в определенных рамках (о чем свидетельствовали указы 1881 и 1889 гг.). Получить официальное разрешение на переезд было непросто, а общий размер выданных переселенцам ссуд ежегодно составлял лишь несколько тысяч рублей. Власти по-прежнему стремились удержать рабочую силу для сельского хозяйства и промышленного производства в метрополии.

Строительство железной дороги потребовало заселения безлюдных территорий, соответственно, новый царь Николай II потребовал поставить переселенческое дело на «твердые рельсы». Порядок получения разрешений был упрощен, переселенцы получали беспроцентную ссуду сроком на 10 лет, для них были снижены тарифы на железнодорожные перевозки, по пути следования оказывалась медицинская помощь. По заключению К. Виденфельда, железная дорога способствовала дальнейшей интеграции Сибири в общееимперское пространство, позволила сделать ее неотъемлемой частью России.

Впрочем, достаточно быстро обнаружилось, что местные власти оказались не готовы к стремительному росту переселений, остро ощущалась нехватка подготовленных участков. В итоге КСЖД 20 февраля (4 марта) 1897 г. распорядился по возможности ограничить поток переселенцев. Разумеется, речь не шла об отмене действовавших законов; чиновники лишь стали опровергать преувеличенные слухи о благополучной жизни в Сибири.

Вслед за А.А. Кауфманом К. Виденфельд заключил, что к исходу XIX в. пик крестьянских переселений в Сибирь уже миновал. В числе факторов, сдерживавших переселенцев, исследователь наряду с нехваткой подготовленных участков называл отсутствие в Сибири частной собственности на землю; сложности во взаи-

моотношениях между новоселами и старожилами; сохранявшуюся в Западной Сибири общинно-передельную форму землепользования и подушную подать (на момент выхода в свет книги К. Виденфельда фактически еще не отмененную).

Однако главным фактором, препятствовавшим успеху крестьянских переселений, немецкий экономист считал низкое качество «человеческого материала» (термин К. Виденфельда). Русские колонисты справлялись с задачами аграрной колонизации в тех местностях, где условия напоминали привычные, сходные с теми, что их окружали в Европейской России, в противном случае крестьянам не доставало, по мнению автора, ни знаний, ни умений, ни желания, чтобы стать хозяевами положения. Отсюда – попытки покинуть выделенный участок (что запрещалось властями) и растущий поток тех, кто решил уехать из Сибири.

В этой связи К. Виденфельд резонно замечал, что наряду с привлечением новых переселенцев следовало бы найти достойное применение уже имевшимся; отменить круговую поруку, сдерживавшую рост производительности, расширить возможности сбыта произведенной продукции, в том числе за счет развития местной индустрии и увеличения численности городского населения. Впрочем, автор высказывал сомнения, что крестьянское население Сибири сможет выделить из своей среды достаточное количество промышленных рабочих. В итоге К. Виденфельд предложил собственное, довольно неожиданное решение – сохранить уголовную ссылку (несмотря на то, что, согласно царскому указу от 7(19) мая 1899 г., ее упразднение уже стояло в повестке дня).

Решение властей, означавшее фактический отказ от штрафной колонизации, исследователь считал поспешным, а освещение положения ссыльных в прессе и литературе – необъективным. По его мнению, Н.М. Ядринцев и Дж. Кеннан в своих трудах руководствовались «исключительно односторонним подходом, в основу которого положена гуманистическая сентиментальность, ни в малой степени не учитывающая государственные нужды». К. Виденфельд допускал, что в отдаленном будущем, когда в Сибири появится избыток свободной рабочей силы, от принудительного труда можно будет отказаться, однако до тех пор «лучше иметь ссыльных работников, чем не иметь никаких». В целом перспективы социально-экономического развития Сибири автор считал далеко не такими блестящими, как их порой рисовали «мечтатели, чуждые критики».

В русле концепции «колонизации» следовал другой немецкий экономист начала XX в. – Вильгельм Клумберг (1886–1942), анализировавший ход и итоги следующего этапа крестьянских переселений, связанного с проведением столыпинской аграрной реформы. В 1914 г. В. Клумберг защитил в Цюрихе диссертацию по теме «Русская колонизация в Сибири». В своей работе исследователь широко использовал сравнительный

метод, сопоставляя колонизационные процессы на востоке России с колонизацией различных регионов Европы и Северной Америки. Разнообразные статистические данные, касавшиеся России и Сибири, были им почерпнуты из публикаций дореволюционных экономистов (В.В. Кирьякова, П.П. Маслова, А.И. Чупрова, А.А. Кауфмана) [30].

Немецкий исследователь перечислил основные факторы, обусловившие рост крестьянских переселений во второй половине XIX – начале XX в.: 1) малоземелье (вследствие неудовлетворительного распределения наделов в 1861 г., а также роста численности населения); 2) семейные разделы (с передачей наделов по наследству) или разделы земельного имущества при его покупке и продаже; 3) рост цен на землю (при том, что зачастую она приобреталась в рассрочку, и это вело к еще большему росту цен), 4) налоговый гнет, 5) неурожай и голод 1891–1892 гг.

Однако важнейшим фактором являлся аграрный кризис, обострившийся на рубеже XIX–XX вв. В. Клумберг разделял убежденность российских либеральных экономистов в том, что главная причина кризиса заключалась в низком агротехническом уровне крестьянских хозяйств, а выход видел в модернизации и интенсификации сельскохозяйственного производства. Немецкий экономист подчеркивал, что в некоторых европейских странах среднедушевой надел был меньше, чем в России, но общие показатели аграрного производства – значительно выше. Объяснял он это разницей в развитии производительных сил и интенсивности обработки земли. Деньги, которые русские крестьяне расходовали на аренду дополнительных участков земли, по мнению В. Клумберга, следовало бы потратить на более качественные семена и удобрения.

По наблюдениям автора, в начале XX в. в правительственных кругах начали распространяться новые настроения, позволявшие надеяться на развитие переселенческой политики и либерализацию законодательства. Выработке нового взгляда на переселенческий вопрос способствовала инспекционная поездка министра финансов С.Ю. Витте на Дальний Восток, совершенная им в 1902 г. в целях изучения перспектив колонизации на месте. Министр возлагал большие надежды на мелиоративные и землеустроительные работы; планировал меры по содействию переселениям, расширению компетенции переселенческих комиссий, финансированию медицинских и санитарных служб, развитию коммуникаций, в том числе строительству железных, гужевых и автомобильных дорог. Все эти идеи были изложены им в отчете, который лег в основу «Временных правил о добровольном переселении сельских обывателей и мещан-земледельцев на казенные земли», принятых 6 июня 1904 г. Новый закон свидетельствовал об определенном прогрессе в колонизационной политике, поскольку более не предусматривал возможности резких запретов на переселения.

Как отмечает немецкий исследователь, по прошествии всего лишь двух лет, в условиях резко изменившейся внутриполитической обстановки, указом 10 марта 1906 г. объявлялась свобода переселений при всемерной государственной поддержке. К этому закону примыкал указ от 9 ноября 1906 г., дополнявший положения царского манифеста от 3 ноября 1905 г. о прекращении взимания выкупных сумм за земельный надел с 1 января 1907 г. По новому указу крестьянам, укрепившим наделы в личную собственность, предоставлялось право свободного выхода из общины, тем самым отменялся закон 1893 г. о ее неприкосновенности. Продав свой надел, крестьянин мог получить средства на переселение в Сибирь.

В. Клумберг признал, что, несмотря на увеличивавшийся поток переселенцев, число возвратившихся в Европейскую Россию также неуклонно возрастало, достигнув пика в 1909 г. (по данным отчета Переселенческого управления, в этом году на родину вернулось до 20% переселенцев). Доводы чиновников, объяснявших отток переселенцев плохими урожаями, не показались исследователю вполне убедительными. По мнению В. Клумберга, неурожаи неизбежны до тех пор, пока крестьяне не перестанут вести хозяйство хищническими способами.

В числе проблем, препятствовавших успешному аграрному развитию края, исследователь называл отсутствие должной агрономической и организационной помощи; недостаточно развитые коммуникации; удаленность от мирового рынка, отсутствие крупных центров потребления сельскохозяйственной продукции в самой Сибири; а также низкий культурный уровень крестьянства. Немецкий экономист считал ошибочным стремление российских властей расширить в Сибири крупное частное землевладение и призывал привлечь общественность к участию в колонизационной работе, в том числе путем введения в Сибири земств. В целом В. Клумберг пришел к выводу, что регион «вследствие беспринципной колонизаторской политики находится в плачевном состоянии», а предпринятые правительством меры оказались несостоятельными.

В отличие от В. Клумберга позитивную оценку итогов переселенческого движения в годы столыпинских реформ давали О. Хетцш, К. Дице, К. Виденфельд [31–33], М. Шлезингер [34], который, впрочем, указал и на ряд серьезных проблем: нехватку специалистов (в частности, землемеров); недостаточную информированность переселенцев о наличии пригодных земель и др. [28; 34. S. 199–201].

Для периода 1920–1940-х гг. характерен определенный спад интереса немецких исследователей к экономической истории России и Сибири. Традиции предыдущего периода развивал Х.-Ю. Серафим, защитивший в 1923 г. в Лейпцигском университете диссертацию по теме «Русская аграрная колонизация Западной Сибири». Опираясь на труды Н.М. Ядринцева, Б.Э. Петри, Н.П. Огановского, А.А. Кауфмана, немец-

кий историк признал, что, несмотря на усилия правительства по колонизации региона, предпринимавшиеся с середины 1880-х гг., экономика Сибири оставалась неразвитой. Главная причина такого положения дел заключалась в «человеческом факторе»: «Здесь нет созидającego человека, способного поднять и использовать на благо общества все те богатства, которые ныне большей частью лежат нетронутыми и ждут освоения» [35. S. 3].

Сходную оценку итогов крестьянских переселений на рубеже XIX–XX вв. давал американский историк, профессор Колумбийского университета Дж.Т. Робинсон (1893–1971). В своем известном труде «Сельская Россия при старом режиме», опубликованном в 1932 г., автор пришел к выводу, что колонизация Сибири в пореформенный период мало способствовала решению аграрного кризиса. Впрочем, история Сибири не являлась для него предметом специального рассмотрения, а соответствующие данные историк взял из трудов Н.П. Огановского и А.А. Кауфмана [36. P. 110].

По наблюдениям современного исследователя О.В. Ефимова, изучавшего англо-американскую историографию столыпинских реформ, для англоязычных исследований, опубликованных в 1-й половине XX в., характерны слабая аналитичность, склонность к описательности; недостаток источников, что отчасти компенсировалось использованием работ дореволюционных и советских историков (а нередко – их простой компиляцией). К числу таких публикаций можно отнести статью русского эмигранта А.В. Байкалова «Завоевание и колонизация Сибири», опубликованную в 1932 г.

Воспроизводя общую схему колонизации Сибири в XIX–XX вв. (примерно в том же виде, в каком она приводится в работах К. Виденфельда и В. Клумберга), автор не ставил под сомнение успехи и перспективы экономического развития региона в дореволюционный период: «После строительства Транссибирской магистрали экономическое и культурное развитие страны стремительно прогрессировало и будущее Сибири представлялось в радужных тонах. К сожалению, данный процесс был прерван Великой войной и большевистской революцией. Но эти времена пройдут, и Сибирь, которая уже сделала первые шаги на пути экономического и культурного прогресса, сможет быстро возродиться и осуществить пророчества, сделанные многими западными наблюдателями» [37. P. 571]. Примечательно, что в своей оценке прогрессивного развития Сибири в дореволюционный период А.В. Байкалов предвосхитил концепции многих западных исследователей середины XX в., рассматривавших историю Сибири с позиций теории «модернизации».

По заключению О.В. Ефимова, конец 1950-х – 1960-е гг. стали переходным периодом в истории англо-американской историографии, посвященной аграрной истории России пореформенного периода. Данный период характеризовался использованием «универсальных теорий» (модернизации, стадий экономического роста и

стадий экономической отсталости), разработка которых дала исследователям современную терминологию и позволила обозначить ключевые исследовательские проблемы. В зависимости от оценок итогов и перспектив социально-экономического развития дореволюционной России британских и американских историков середины XX в. можно условно разделить на два направления – «оптимистов» (Л.И. Страховский, Дж. Яни), полагавших, что у России был шанс осуществить модернизацию и избежать революционных потрясений; и «пессимистов» (В. Моссэ, Л. Хэймсон, Т. Фон Лауэ), по мнению которых империя была обречена.

Аналогичные тенденции отмечаются исследователями и в развитии немецкоязычной историографии 1950–1970-х гг. По наблюдениям А.Г. Дорожкина, работам, опубликованным в этот период, присущи компилятивность и ограниченный круг использованных источников. В западногерманской историографии также развернулись дискуссии между «оптимистами» и «пессимистами», но в целом преобладал «пессимистический» взгляд на социально-экономическое развитие России в дореволюционный период (Ю. Нецольд, Б. Бонвеч, К. Функен, Д. Гайер, Х. Хауманн, М. Хильдермайер). Несмотря на широкое применение «модернизационных» схем, западногерманские историки 1950–1970-х гг. оценивали их критически, подчеркивая роль идеологических и социально-психологических факторов в процессе перехода к индустриальному обществу, альтернативность и многовариантность путей модернизации.

В американской историографии середины XX в. последовательным сторонником концепции «модернизации» выступал русский эмигрант, профессор Гарвардского университета М.М. Карпович (1889–1959). По его мнению, мирная эволюция в экономической, политической, культурной областях накануне войны свидетельствовала об успехах модернизации России. По мере экономического и культурного прогресса «опасность насильственного взрыва становилась более отдаленной», но война «сделала революцию весьма возможной, а человеческая ошибка сделала ее неизбежной» [38].

Влияние идей М.М. Карповича заметно в трудах его ученика Д. Тредголда (1922–1994), опубликовавшего в 1957 г. монографию по истории крестьянских переселений в Сибирь в пореформенную эпоху [39]. Не имея возможности работать в архивах СССР, американский историк использовал широкий круг публикаций дореволюционных и советских исследователей, сборники статистических материалов, периодику. Одним из первых в западном сибиреведении Д. Тредголд применил в своем исследовании теорию «фронта», которую в конце XIX в. предложил Ф.Дж. Тернер, полагавший, что наличие фонда свободных земель, а также постепенный сдвиг границы неосвоенных территорий на запад по мере притока переселенцев служат главным объяснением хода американской истории.

По убеждению Д. Тредголда, при всех различиях в Сибири сложился социум, более похожий на тот, что сформировался в США, нежели в Европейской России. Сибиряки проявляли куда большую самостоятельность, а их социальные связи отличались значительно большей гибкостью, чем в остальных регионах Российской империи. На примере сибирского крестьянства российские власти, а также крестьяне из других регионов могли увидеть, какого уровня благополучия они в принципе могли бы достигнуть.

Согласно Д. Тредголду, миграция населения в Сибирь являлась частью более широкого процесса, развивавшегося в России в течение XIX – начале XX в. В то время, благодаря реформам Александра II, на смену сословному обществу с законодательно закрепленной социальной стратификацией постепенно приходило общество, руководствовавшееся принципом равенства граждан перед законом. Д. Тредголд убежден, что крестьянство, как и остальные социальные классы России, в рассматриваемый период эволюционировало в сторону юридического и экономического равенства.

В конце XIX – начале XX в. важным аспектом аграрной политики правительства являлось содействие землеустройству крестьян, а одной из целей Столыпинской реформы – формирование слоя юридически свободных фермеров, владевших земельной собственностью. Постепенно царским чиновникам стала очевидна возможная и фактическая взаимосвязь между землеустройством в Европейской России и переселениями в Сибирь. Характеризуя итоги сибирских переселений, Д. Тредголд утверждает, что крестьяне смогли получить землю и свободу в больших масштабах, чем когда-либо ранее.

По мнению исследователей, 1960–1990-е гг. стали временем расцвета англо-американской историографии, посвященной русскому крестьянству. Важнейшим фактором в данный период стало развитие социальной истории. В центре внимания исследователей (Т. Шанин, Б. Эклофф, П. Чап и др.) оказалась история не политических структур и элит, а история народа, отдельных социальных групп, которые ранее рассматривались как часть «молчаливого большинства». Изучались их поведение и сознание, история повседневности, проблемы социальной мобильности и урбанизации, взаимоотношений гражданского общества и государства.

Представители нового поколения исследователей привлекли огромный массив данных, собранных еще дореволюционными специалистами (в том числе земскими статистиками), и в большинстве своем констатировали кризис самодержавного государства и общества в позднимперский период. Указывая на ведущую роль бюрократии в любых преобразованиях, историки, как правило, приходили к выводу о фактической неспособности самодержавия к эволюции, модернизации и самосохранению. Так, американский историк Д. Мэйси признал, что в начале XX в. правительство выказывало

все большую заинтересованность в том, чтобы интегрировать крестьянство в остальное общество, однако, используя в этих целях инструмент бюрократической опеки (в своем полном виде она представляла собой «социальный этатизм» или даже «государственный социализм»), возможно, только усилило эгалитарные и коллективистские черты общины.

Ситуация отчасти изменилась в период столыпинской реформы, непосредственной целью которой являлись реорганизация крестьянского землевладения и замена крестьянского обычного права концепцией «закона», которой придерживалось образованное общество. Впрочем, крестьяне имели достаточно развитое представление о правах собственности, что особенно ярко проявлялось в ходе земельных переделов. По мнению американского историка, в период столыпинской реформы община как инструмент разрешения конфликтов стала воплощением не столько крестьянского эгалитаризма, сколько крестьянского эгоизма. В итоге весь землеустроительный процесс погряз в конфликтах, конфронтации и беспорядках, хотя с течением времени конфликты постепенно затухали, особенно по мере того, как правительство все чаще делало акцент на групповых процедурах и все меньше поддерживало идею тотальной хуторизации [40–41].

Для работ немецких исследователей, опубликованных в последние десятилетия XX в., также характерны использование широкого круга источников, расширение проблематики исследований. Специальные работы были посвящены вопросам экономического освоения Дальнего Востока (об этом писали Д. Ландграф и Л. Деег, австрийский историк А. Морич, швейцарец К. Шписс) [42–45]. Указанные авторы отмечали наличие как экономических и внутривнутриполитических, так и геополитических расчетов в дальневосточной политике самодержавия.

При этом политику П.А. Столыпина на восточных окраинах империи они не считали неуспешной. Так, Л. Деег указывал на рост уровня жизни переселенцев, сумевших обзавестись собственным хозяйством. Вместе с тем К. Шписс полагал, что правительству не удалось создать на Дальнем Востоке слой среднего крестьянства, самостоятельного, ориентированного на рыночное производство и лояльного к государству. В целом в 1980–1990-е гг. немецкоязычные историки признавали как достижения, так и проблемы переселенческого дела в Сибири и на Дальнем Востоке.

Особенностью англоязычного сибиреведения последней трети XX в. стало сочетание колонизационной и модернизационной парадигм с теорией «фронттира». В частности, анализу особенностей землепользования в условиях «фронттира» посвящена статья американского исследователя Д. Казмера, написанная на основе его докторской диссертации, которую автор защитил в Массачусетском технологическом институте в 1973 г. [46]. Автор использовал модель, предложенную в 1954 г. экономистом У.М. Льюисом для описания раз-

вития экономики при неограниченном предложении труда, в том числе для объяснения роста экономики развивающихся стран в условиях перетока труда из традиционного сектора натурального хозяйства в современный промышленный сектор [47].

По мнению Д. Казмера, эволюция аграрного сектора в условиях «фронттира» может рассматриваться аналогичным образом – как развитие при неограниченном предложении земли. Статья представляет собой обстоятельный комментарий автора к нескольким графикам, описывающим взаимодействие основных факторов сельскохозяйственного производства в Сибири на рубеже XIX–XX вв.

Д. Казмер противопоставил старожилов и новоселов с точки зрения относительного распределения доходов, полученных от использования земельных и неземельных ресурсов. Новоселы, оказавшиеся в условиях «фронттира», зачастую не имели средств, необходимых для обустройства на месте и возмещения расходов, связанных с обработкой малоплодородной и неарендуемой земли. В итоге имело место относительное распределение факторных доходов в пользу доходов, полученных прежде всего от использования трудовых ресурсов. Иными словами, доходы перераспределялись от старожилов, владевших земельными участками, в пользу новоселов, старавшихся аккумулировать денежные средства, необходимые для обзаведения собственным крестьянским хозяйством.

В разделе, посвященном аграрному капиталу в Сибири, Д. Казмер напоминает о необходимости различать факторы, дополняющие труд (к ним можно отнести рабочий скот и инвентарь, дополняющий труд взрослого члена крестьянской семьи, – факторы-комплементы), и факторы, заменяющие труд (в их числе сельскохозяйственная техника, заменяющая рабочую силу целой артели, т.е. факторы-субституты). Факторы-комплементы способствовали росту уровня заработной платы и более быстрому становлению самостоятельных крестьянских хозяйств. Заменяющие факторы в долгосрочной перспективе приводили к снижению заработной платы (в пределах данной местности) и повышению расходов на обустройство самостоятельного хозяйства. В то же время они могли (наряду с ростом выработки на единицу затрат труда) иметь нежелательный эффект, связанный с увеличением периода, в течение которого крестьянское хозяйство должно было продавать свою рабочую силу на рынке труда, прежде чем могло обрести самостоятельность. В худшем случае крестьянское хозяйство могло оказаться зажатым на уровне доходов сельского пролетариата. В этой связи Д. Казмер высказал предположение, что описанный механизм поможет объяснить, почему модель успешного развития «фронттира» в XIX в. не была повторена в слабо развитых странах в XX в.

По мнению немецкого историка А. Каппелера, использование теории «фронттира» позволяет оценить роль культурного «порубежья» в развитии Сибирского

региона, рассмотреть проблемы мультикультурализма, специфики сибирского социума, обусловленной соседством русскоязычного населения со множеством народов, населяющих Евразию. Очевидно, что усиление миграционных процессов в Сибири на рубеже XIX–XX вв. в еще большей степени продемонстрировало значение культурных и этнических особенностей различных групп сибирского населения, как коренного, так и пришлого. В статье, посвященной истории формирования украинской диаспоры за пределами собственно малороссийских губерний Российской империи, А. Каппелер показал, что, несмотря на суровые условия, украинцы, заселявшие степные районы Южной Сибири и Северного Казахстана, добились в ведении хозяйства больших успехов, нежели русские, селившиеся в лесной местности [48]. Историк отметил значительную свободу действий переселенцев в условиях сибирского «фронта». В свое время Д. Трегголд также писал, что, отправляясь в Сибирь, крестьяне надеялись обрести «землю и волю», но их многовековая мечта вполне вписывалась в систему традиционных ценностей.

Иначе интерпретировали «свободолюбие» крестьян-переселенцев сторонники модернизационной парадигмы. Так, известная американская исследовательница Барбара Андерсон предположила, что для таких миграций требуется «современное» («модерновое») мировоззрение, желание изменить традиционный образ жизни и рискнуть выйти в открытый мир: только после этого люди захотят переселиться в другой, более развитый регион [49]. При этом, как заметил американский историк И. Стебелски, этнический состав населения не был одной из «переменных», анализируемых исследовательницей, что не позволило ей сравнить модели миграций, к примеру русских и украинцев, и объяснить их культурные предпочтения [50, 51].

В последней четверти XX в. в историографии наметился переход от анализа неподвижных социальных структур к исследованию культурных практик [8]. Своеобразие культурных, социальных и политических оснований российской истории изучается в рамках «имперской» парадигмы (Д. Ливен, Дж. Бербэнк, Ф. Купер, А. Эткнд и др.). Рассматривая символический аспект исторической реальности, исследователи уделили значительное внимание проблематике «воображаемой географии и пространственного мышления», «пространственного конструирования».

Западным историкам удалось показать, что само восприятие пространства – динамичный процесс, который определяется социальными и культурными условиями, изменяется во времени и оказывает непосредственное воздействие на социальный ландшафт (так, Ф.Б. Шенк доказывает, что в дореволюционной России одним из факторов, влиявших на восприятие и организацию социальных пространств, стало строительство железных дорог) [52–54]. Изучение истории имперских окраин позволяет глубже понять своеобразие общена-

циональной культуры, формирующейся в рамках империи, при этом отдельные регионы, при всей их специфике, мыслятся как неотъемлемые части единого пространства, отражающие в себе его фундаментальные характеристики. В полной мере такой взгляд распространяется и на Сибирь, о чем свидетельствуют работы Я. Кусбера, К. Вайсс, С. Франк и др.

По мнению А. Кинга, применение «имперского подхода» к изучению сибирской истории вполне оправданно, поскольку Сибирь, несмотря на статус «окраины» и удаленность от столиц, играла ключевую роль в формировании Российской империи и являлась ее «сердцевиной» [55. Р. IX]. К тому же, вслед за многими российскими историками, А. Кинг не считает Сибирь колонией, учитывая, что регион полностью интегрировался в единое пространство Российского государства. Использование «имперской» терминологии, таким образом, позволяет отказаться от «колониального» и «постколониального» дискурсов, а также от понятия «внутренняя колония».

Со своей стороны А. Эткнд настаивает, что в Российской империи имела место «внутренняя колонизация», в рамках которой элита навязывала или предписывала народу тот образ его идентичности, который позволил бы преодолеть культурный разрыв между ними. Имперская территория нуждалась во вторичной колонизации, своего рода «реконкисте». Соответственно переселения крестьян в течение XIX в. проводились как государственные мероприятия, часто насильственные [56].

По мнению В. Сандерланда, идеальным для России могло стать создание единообразной (но не культурно однородной) империи, сохраняя баланс между процессами интеграции окраин и их противопоставлением Центру. Такие методы управления «современной колониальной империей» наиболее полно проявились на азиатских окраинах империи [57–58].

Современная немецкая исследовательница Э.-М. Столберг предприняла попытку обобщения теоретических подходов, применявшихся в западном сибиреведении на рубеже XX–XXI вв. [1]. В монографии «Сибирь: “Дикий Восток” России. Мифы и социальная реальность в XIX и XX вв.» автор подчеркнула необходимость вписать культурную историю Сибири в политические и социально-экономические рамки, внося тем самым вклад в разработку теории «фронта», трансрегиональной и транскультурной истории.

Объединяя культурологию с социальной историей, автор стремилась резче обозначить «пограничный ландшафт», «культурную переходную зону» между двумя «культурными пространствами» (Европой и Азией), протянуть мост между историей Восточной Европы и историей Восточной Азии. По определению Э.-М. Столберг, в рамках трансрегиональной и транскультурной истории изучение пространства осуществляется не с точки зрения подчиняющего его центра, но с точки зрения окраин, граничащих с другими

регионами, отличающимися в культурном отношении. Для решения поставленной задачи наряду с материалами из центральных и местных российских архивов исследовательница привлекла также китайские и японские источники, справедливо полагая, что взгляд на Сибирь только с русской (т.е. европейской) точки зрения был бы односторонним.

Подобно исследователям начала XX в., Э.-М. Столберг вписывает сибирские переселения в общеевропейский и глобальный контекст, хотя оговаривается, что речь ни в коем случае не идет о некоем едином процессе; напротив, необходимо видеть различия, присущие конкретным странам и регионам, с учетом географических, социальных и экономических, равно как и институциональных предпосылок. Сравнивая ситуацию в Российской империи и Северной Америке, исследовательница подчеркивает деятельное участие государства в организации крестьянских переселений в Сибирь, тогда как на Диком Западе колонисты переезжали самостоятельно.

В начале XX в. на фоне роста численности населения и малоземелья в Европейской России пришло более глубокое понимание выгод и перспектив, связанных с крестьянской колонизацией и экономическим развитием Сибири. Главным организатором массовых переселений Э.-М. Столберг считает премьер-министра П.А. Столыпина. Немецкая исследовательница уделяет пристальное внимание думским дебатам вокруг крестьянских переселений и отмечает, насколько, с ее точки зрения, обоснованной была критика сибирских кадетов, полагавших, что колонизационная политика, сочетавшаяся с отказом от учреждения земств, была «колоссом на глиняных ногах».

По определению исследовательницы, переселения стали ключевой темой в демократической культуре дискуссий, при этом участники ориентировались на опыт колонистов в Северной Америке (как это было и в случае с общественными дискуссиями по поводу строительства трансконтинентальной магистрали). П.А. Столыпин также выстраивал свою переселенческую политику, во многом заимствуя американский опыт, поскольку укрепление мелких крестьянских хозяйств в общем было ясно выраженным желанием американского федерального правительства. При задаче земель американские власти стремились избежать появления крупного землевладения, как это было на европейском континенте, где существовал разрыв между богатыми землевладельцами и безземельными крестьянами.

В монографии Э.-М. Столберг показано, что переселения превратились в своего рода «национальный миф», умело поддерживавшийся правительством средствами пропаганды (в этом российские власти также следовали примеру американцев). В то же время миграционная политика не была свободна от националистических мотивов, поскольку царское правительство полагало, что форсированное заселение Си-

бири способствует решению задач, связанных с обеспечением безопасности имперских окраин. Власти опасались притока в безлюдную Сибирь мигрантов из сопредельных государств Восточной Азии, прежде всего из Китая.

Немецкая исследовательница подробно описывает сложности и недостатки в организации переселенческого процесса (многое, по ее мнению, напоминало «потемкинские деревни»), сравнивает состояние транспортных коммуникаций в Сибири и на Диком Западе; отмечает высокий уровень заболеваемости и смертности среди переселенцев (как в Сибири, так и в Северной Америке). В числе проблем, связанных с переселениями, упоминаются острые столкновения из-за земельных участков между старожилами и новоселами, использование устаревших методов ведения хозяйства, масштабное вторжение переселенцев в экологическую систему региона. Однако, несмотря на все издержки аграрной колонизации Сибири, Э.-М. Столберг дает в целом положительную оценку ее итогам.

В правомерности применения теории «фронтира» к сибирской истории усомнился американский историк С. Маркс (сотрудник Университета Клемсона), называющий такие попытки «тщетными» и призывающий использовать более традиционную теорию «колонизации», разработанную русскими историками еще в XIX в. [59]. Историк рассматривает массовые крестьянские переселения за Урал, имевшие место в конце XIX – начале XX в., как часть общего процесса европейской колонизации. По признанию С. Маркса, западные историки часто не уделяют должного внимания роли России в этом глобальном процессе, хотя среди всех примеров колонизации в новейшей истории немногие страны могут сравниться с успешностью освоения Сибири, куда в течение 1891–1914 гг. прибыли примерно 5 млн чел.

По мнению исследователя, европейский империализм в большинстве случаев являлся проявлением экономического и военного могущества, тогда как продвижение русских не на запад, а на восток свидетельствовало скорее о геополитической слабости России. С самого начала колонизация Сибири характеризовалась «стремлением к однородности, которая противопоставлялась разнообразию элементов, образовавших империю», и лишь усиливала национальные противоречия, требуя перекачки скудных финансовых и интеллектуальных ресурсов на окраины, подальше от центральных территорий. В конечном итоге столь ошибочная расстановка приоритетов способствовала краху царского режима, а вместе с ним распалась та самая империя, на строительство которой ушло так много сил и средств.

В русле концепции «колонизации» написаны статьи западных исследователей, опубликованные в сборнике «Заселение российской окраины: колонизация пограничных территорий в истории Евразии» в 2007 г. [60]. Один из авторов сборника, американский

историк Ч. Стейнвелл анализирует эволюцию правительственной политики в отношении крестьянских переселений в восточные регионы империи на рубеже XIX–XX вв. [61]. Автор использует термины «переселение» и «колонизация» в качестве синонимов (как это делалось в источниках того времени). В свое время другой американский исследователь В. Сандерленд отметил, что в позднеимперский период оба понятия являлись взаимосвязанными и могли употребляться одновременно [62].

В своем исследовании Ч. Стейнвелл приходит к выводу, что в Сибири центральная власть отказалась от попыток воспроизвести социальную иерархию Европейской России, в которой доминировали дворяне (последнюю и безуспешную попытку создать дворянское землевладение в Сибири власти предприняли в 1901 г.), сделав выбор в пользу более инклюзивного и гибкого общества, основой которого служило частное землевладение [61. Р. 141]. Меняющийся подход к миграциям свидетельствовал о новом взгляде на подданных, который получал распространение среди влиятельных царских чиновников в позднеимперский период. Влиятельные государственные деятели, такие как П.А. Столыпин и А.В. Кривошеин, более не считали интересы населения тождественными интересам государства. Напротив, народное волеизъявление отныне воспринималось как важнейшее условие и фундамент деятельности государственных институтов. Представление об экономике как состоящей из отдельных субъектов лежало в основе нового взгляда на сословный статус, который все менее использовался в качестве принципа общественной организации, при этом для характеристики населения все чаще применялся национальный критерий, что проявилось в колониационной политике еще до Революции 1905 г.

Современный немецкий историк Д. Дальманн принял попытку обобщения результатов исследований западных сибиреведов в своей монографии, посвященной истории Азиатской России в Новое и Новейшее время [63]. Как и С. Маркс, он рассматривает крестьянские переселения рубежа XIX–XX вв. (процесс «внутренней колонизации») в неразрывной связи с сооружением Транссибирской магистрали, подчеркивает выдающуюся роль А.Н. Куломзина и С.Ю. Витте, показывает эволюцию переселенческой политики правительства от строгой регламентации и регулирования в сторону все большего смягчения или либерализации законодательства.

По мнению Д. Дальманна, в начале XX в. новая политика предполагала усиление среднего крестьянства и развитие крестьянской частной собственности. В целом историк положительно оценивает итоги аграрных преобразований в Сибири, где почти полностью отсутствовал слой малоземельных и безземельных крестьян, а их наделы были больше, чем в Европейской России, и вдвое или втрое превышали норму в 15 десятин. В отсутствие земельных переделов большинство крестьян

считали себя владельцами земли, даже если де юре это было не так. Как следствие, крестьянская община утратила часть своих важных функций и более не играла той роли, какая у нее была в регионах, расположенных к западу от Урала. Благодаря такой устойчивости права землевладения и землепользования у сибирских крестьян формировалось столь явно выраженное чувство собственного достоинства.

Таким образом, на основе анализа публикаций англо-американских и немецких исследователей, изучавших историю массовых крестьянских переселений в Сибири в дореволюционный период, можно сделать вывод, что работам первой половины XX в. присущ объективизм, поиск всеобщих законов исторического развития в сочетании с использованием «универсальных» теорий (колонизации, модернизации) и сравнительного метода, позволявшего рассматривать историю крестьянских миграций в общеевропейском и глобальном контексте. Известная ограниченность источниковой базы отчасти компенсировалась активным использованием работ дореволюционных и советских специалистов. По мере расширения международного научного сотрудничества западные исследователи все чаще привлекали документальные материалы из центральных и местных архивов СССР, а затем России.

В последние десятилетия XX в. рассматриваемое исследовательское направление испытало на себе влияние «новой социальной истории», «культурного» и «лингвистического поворотов». Особенностью историко-сибиреведческих исследований второй половины XX – начала XXI в. явилось широкое применение теории «фронтира», позволявшей, по мнению западных историков, глубже понять экономические, социальные, культурные и этнические аспекты крестьянских переселений в Азиатской России. Сосредоточившись на рассмотрении региональной сибирской специфики, западные авторы порой преувеличивали степень антимонархизма сибирского населения, его этнического своеобразия, недооценивали последствия правительственной политики, направленной на усиление национальной «гомогенности» империи, «слияние» народов азиатской окраины в одном государственном сообществе [64].

Англо-американские и немецкие исследователи демонстрировали самую широкую палитру мнений относительно хода и итогов массовых крестьянских переселений: от преимущественно критических оценок в литературе начала XX в. до преимущественно положительных – в современной историографии. Признавая неудачи в реализации отдельных мероприятий правительства и специфику ситуации в Южной и Восточной Сибири или на Дальнем Востоке, современные исследователи в целом склонны писать о благотворном влиянии переселений на социально-экономическое развитие Азиатской России. В то же время ряд историков (С. Маркс, А. Вуд и др.) призывают не преувеличивать успехи «модернизации» Сибири или специфику сибир-

ского «фронтара». Такая позиция, в сочетании с использованием традиционной теории «колонизации», сближает их выводы с оценками и прогнозами, содержащимися в исследованиях начала XX в.

ЛИТЕРАТУРА

1. Stolberg E.-M. Sibirien: Russlands "Wilder Osten". Mythos und Soziale Realitaet im 19. und 20. Jaahrhundert. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2009.
2. Moon D. The Russian Peasantry, 1600–1930: The World the Peasants Made. London & New York : Addison Wesley Longman Ltd., 1999. 396 p.
3. Haxthausen A. Von, Studies on the Interior of Russia. Chicago, 1972. 328 p.
4. Wallace D. Russia. 2 vols. L., 1877.
5. Шашина Е.Б. Основные направления развития руссееведения в США, 1960 – начало 1990-х гг. : дис. ... канд. ист. наук. М., 1993.
6. Большакова О.В. Власть и политика в России XIX – начала XX века. Американская историография. М. : Наука, 2008. 263 с.
7. Бичерова Н.С. История России второй половины XIX – начала XX в. в современной американской русистике : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Рязань, 2009.
8. Карагодин А.В. Изучение пореформенного российского крестьянства в современном западном руссееведении: основные концепции, подходы и перспективы : автореф. ... дис. канд. ист. наук. М., 2001.
9. Карпачев М.Д. Буржуазные реформы 1860–1880-х гг. в оценке английской и американской буржуазной историографии // Буржуазные реформы в России второй половины XIX в. Воронеж, 1998.
10. Дорожкин А.Г. Экономическое и социальное развитие России второй половины XIX – начала XX в. в германоязычной историографии XX в. : дис. ... д-ра ист. наук. М., 2005.
11. Жук С.И., Брукс Дж. Современная американская историография о крестьянстве пореформенной России // Вопросы истории, 2001. № 1. С. 151–159.
12. Eklof B. Ways of Seeing: Recent Anglo-American Studies of the Russian Peasant (1861–1914) // Jahrbuecher fuer Gechichte Osteuropas, 36 (1988): H.1. S. 57–79.
13. Channon J. From muzhik to kolhoznik: some recent Western and Soviet Studies of Peasant in Late Imperial and early Soviet Russia // Slavic and East Slavonic Review. 1992. Vol. 70. P. 127–139.
14. Зырянов П.Н. Современная англо-американская историография Столыпинской аграрной реформы // История СССР. 1973. № 6. С. 186–195.
15. Ковальченко И.Д., Селунская Н.Б. Американские историки о русском крестьянстве XIX в. // История СССР. 1971. № 5. С. 195–213.
16. Селунская Н.Б. Современная англо-американская буржуазная историография аграрного строя России эпохи капитализма // История СССР. 1979. № 4. С. 229–240.
17. Селунская Н.Б. Критика буржуазных концепций аграрного строя России накануне Октября (К проблеме предпосылок Великой Октябрьской социалистической революции). М., 1980.
18. Селунская Н.Б., Шашина Е.Б. Страницы аграрной истории России в прочтении западных ученых // Отечественная история. 1992. № 3. С. 191–194.
19. Ефимов О.В. Англо-американская историография реформ П.А. Столыпина : дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1995.
20. Селунская Н.Б. Концепция аграрного строя России в пореформенную эпоху // Исторические записки. 1999. № 2 (120). С. 187–209.
21. Большакова О.В. Аграрные реформы П.А. Столыпина в современной англоязычной историографии // Российская история. 2012. № 2. С. 164–172.
22. Shanin T. Roots of Otherness. Vol. 1. Russia as a developing society. Basingstoke, 1982.
23. Хок С. Мальтус: Рост населения и уровень жизни России: 1861–1914 годы // Отечественная история. 1996. № 2. С. 28–54.
24. Дубовский Г.Я. Критика буржуазной фальсификации истории сибирской деревни кануна Великой Октябрьской революции // Бахрушинские чтения – 1973 : сб. науч. тр. Новосибирск : Изд-во НГУ, 1973. Вып. 1. С. 162–168.
25. Горюшкин Л.М., Сагайдачный А.Н. Англо-американская историография о роли иностранного капитала в сельском хозяйстве Сибири (1900–1917) // Революция 1905–1907 гг. на Урале и в Сибири. Тюмень, 1983.
26. Передерий С.В. К вопросу об освещении истории Сибири эпохи капитализма в современной англо-американской буржуазной историографии // Рабочие Сибири в конце XIX – начале XX в. : сб. ст. Томск, 1980. С. 164–178.
27. Передерий С.В. Современная американская и английская буржуазная историография истории Сибири конца XIX в. – февраль 1917 г. : дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1984.
28. Дорожкин А.Г. Переселенческая политика самодержавия и хозяйственное освоение Сибири и Дальнего Востока в конце XIX – начале XX в. в освещении немецкоязычной историко-экономической литературы // Роль государства в хозяйственном и социокультурном развитии Азиатской России XVII – начала XX века : сб. матер. регион. науч. конф. Новосибирск, 2007. С. 41–49.
29. Wiedenfeld K. Die Sibirische Bahn in ihrer wirthschaftlichen Bedeutung. Berlin, Heidelberg : Springer-Verlag, 1900.
30. Klumberg W. Die Kolonisation Rußlands in Sibirien, Zürich 1914. (Diss.). Zürich: Gebr. Leemann, 1914.
31. Dietze C. Stolypinsche Agrarreform und Feldgemeinschaft. Berlin, 1920.
32. Hoetzsch O. Russland. Eine Einfuehrung auf Grund seiner Geschichte vom japanischen bis zum Weltkrieg. Berlin : Reimer, 1917. 439 s.
33. Wiedenfeld K. Russlands Stellung in der Weltwirtschaft // Russlands Kultur und Volkswirtschaft. Berlin-Leizig, 1913. S. 247–283.
34. Schlesinger M.L. Russland im XX Jahrhundert. Berlin, 1908. 542 s.
35. Seraphim H.-J. Die ländliche Besiedlung Westsibiriens durch Russland. Jena : Fischer, 1923. 204 s.
36. Robinson G.T. Rural Russia Under the Old Regime. Berkeley; Los Angeles, 1972. 342 p.
37. Baikalov A.V. The Conquest and Colonization of Siberia // The Slavonic and East European Review. Vol. 10, No. 30 (April, 1932). P. 557–571.
38. Болховитинов Н.Н. Русские ученые-эмигранты (Г.В. Вернадский, М.М. Карпович, М.Т. Флоринский) и становление русистики в США. М., 2005. 144 с.
39. Treadgold D. The Great Siberian Migration: Government and Peasant in Resettlement from Emancipation to the First World War. Princeton, New Jersey : Princeton University Press, 1957.
40. Macey D.A. Government and Peasant in Russia, 1861–1906. The Prehistory of the Stolypin Reforms. De Kalb : Northern Illinois University Press, 1987. 408 p.
41. Macey D.A. The Peasant Commune and the Stolypin Reforms: Peasant Attitudes, 1906–1914 // Roger Bartlett, ed. Land Commune and Peasant. Community in Russia. New York: St. Martin's Press, 1990. P. 219–236.
42. Spiess K. Periphäre Sowjetwirtschaft. Das Beispiel Russisch-Fernost 1897–1970. Zuerich, 1980. 200 s.
43. Moritsch A. Landwirtschaft und Agrarpolitik in Russland vor der Revolution. Wien-Koeln-Graz, 1986. 257 s.
44. Landgraf D. Amur, Ussuri, Sachalin. 1847–1917. Muenchen, 1989. 956 s.
45. Deeg L. Kunst und Albers, Wladiwostok. Die Geschichte eines deutschen Handelshauses im russischen Fernen Osten. 1864–1924. Essen : Klartext-Verlagsges, 1996. 320 s.
46. Kazmer D.R. Agricultural development on the frontier: the case of Siberia under Nicholas II // American Economic Review. 1977. Vol. 67, № 1. P. 429–432.
47. Lewis W.A. Development with Unlimited Supplies of Labour // The Manchester School of Economic and Social Studies. 1954. May. P. 400–449.

48. Kappeler A. Chochly und Kleinrussen: Die ukrainische laendliche und staedtsche Diaspora in Russland vor 1917 // *Jahrbuecher fuer Geschichte Osteuropas. Neue Folge*. Bd.45. H.1 (1997). S. 48–63.
49. Anderson B.A. *Internal Migration during Modernization in Late Nineteenth-Century Russia*. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1980.
50. Stebelsky I. Rec. ad op.: Barbara A. Anderson. *Internal Migration during Modernization in Late Nineteenth-Century Russia*. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1980 // *Harvard Ukrainian Studies*. Vol. 6. No 3 (September 1982). P. 421–423.
51. Hagen M. von. Rec. ad op.: *Ukrainian Past, Ukrainian Present. Selected papers from the Fourth World Congress for soviet and East European Studies*. Harrogate, 1990 / ed. by B. Krawchenko. New York: St. Martin's Press, 1993 // *Harvard Ukrainian Studies*. Vol. 17, No 314 (December 1993). P. 387–389.
52. Schenk F.B. *Russlands Fahrt in die Moderne. Mobilitaet und sozialer Raum im Eisenbahnzeitalter*. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2014. 440 s.
53. Schenk F.B. *Mastering Imperial Space? – The Ambivalent Impact of Railway-Building in Tsarist Russia* // *Comparing Empires: Encounters and Transfers in the Long Nineteenth Century*. Goettingen: Hubert & Co, 2011. P. 60–78.
54. Нарский И.В. Рец. на: F.B. Schenk. *Russlands Fahrt in die Moderne. Mobilitaet und sozialer Raum im Eisenbahnzeitalter* // *Российская история*. 2016. № 5. С. 208–212.
55. King A.D. *The Siberian Studies Manifesto* // *Sibirica*. 2006 (Spring). Vol. 5, № 1. P. V–XV.
56. Эткинд А. Фуко и тезис внутренней колонизации: постколониальный взгляд на советское прошлое // *Новое литературное обозрение*. 2001. № 3. С. 50–73.
57. Sunderland W. *The ministry of Asiatic Russia: The colonial office that never was but might have been* // *Slavic rev. Urbana – Champaign*, 2010. Vol. 69, No 1. P. 120–150.
58. Сазонова Т.К. Колониализм и технократия в России конца XIX – начала XX в. (Сводный реферат) // *Реферативный журнал «История»*. 2012. № 2. С. 75–82.
59. Marks S.G. *Conquering the Great East: Kulomzin, Peasant Resettlement, and the Creation of Modern Siberia* // *Rediscovering Russia in Asia: Siberia and the Russian Far East* / ed. by S. Kotkin and D.A. Wolff. N.Y.: L., 1995. P. 23–39.
60. *Peopling the Russian Periphery: Borderland colonization in Eurasian history* / ed. by N.B. Breyfogle, A. Schrader, W. Sunderland. L.; N.Y., 2007.
61. Steinwedel Ch. *Resettling People, Unsettling the Empire: Migration and the Challenge of Governance, 1861–1917* // *Peopling the Russian Periphery: Borderland colonization in Eurasian history* / ed. by N.B. Breyfogle, A. Schrader, W. Sunderland. L.; N.Y., 2007. P. 128–147.
62. Sunderland W. *Taming the Wild Field: Colonization and Empire on the Russian Steppe*. Ithaca, 2004.
63. Dahlmann D. *Sibirien. Vom 16 Jahrhundert bis zur Gegenwart*. Paderborn: Schöningh, 2009.
64. Ремнев А.В. *Внутренняя геополитика Азиатской России конца XIX – начала XX в.: национальные и колониальные контексты* // *Демографическое пространство Азии: история, современность и гипотезы будущего*: сб. материалов. Междунар. науч. конф. Новосибирск: Параллель, 2011. С. 184–203.

Ananyev Denis A. Institute of History, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russia). E-mail: denis.ananyev@gmail.com

PEASANT MIGRATION TO SIBERIA AND FAR EAST DURING THE POST-REFORM ERA AS EVALUATED BY THE ANGLO-AMERICAN AND GERMAN RESEARCHERS (LATE XIX – EARLY XXI CENTURIES).

Keywords: historiography; history of Siberia; peasant migrations.

The aim of the paper is to present a comprehensive historiographical analysis of the works of Anglo-American and German authors who studied the history of mass peasant migration to Siberia and Far East during the post-reform era. Since the late XIX century up to the present the Western researchers have shown a great interest in the progress and results of the mass peasant resettlements beyond the Ural. In their numerous publications they used new theoretical and methodological approaches, made some valuable observations and conclusions. However, the majority of their publications have been neglected by the Soviet and contemporary Russian scholars. The present paper is meant to fill this gap, so it has the following tasks: to determine the range of relevant issues addressed by Western researchers; to delineate the main periods in the history of studying the peasant migration to Siberia; to characterize main theoretical and methodological approaches used by Western scholars; to evaluate their contribution to this field of research. The author notes that Anglo-American and German researchers considered the mass peasant migrations along with the construction of Trans-Siberian railroad as significant factors ensuring a stronger Russia's presence in Asia. In their works the agrarian history of Russia and Siberia is analyzed in the global context, while the Russian peasantry's way of life is viewed as part of the global peasant culture. In the late XIX – mid-XX centuries the English- and German-language scholars used an objectivist approach and “universal theories” of colonization (K. Wiedenfeld, W. Klumberg, H.-Y. Seraphim) and modernization (D. Treadgold). They retrieved their data from a limited amount of available sources which was offset partially by the widespread use of the works of pre-revolutionary and Soviet specialists. As the international scientific cooperation increased, Western scholars increasingly used documentary materials from the central and local archives of the USSR and Russia. In the second half of the XX – early XXI centuries one of the main distinguishing features of Siberian studies in the West was an extensive use of the “frontier” theory (D. Treadgold, D. Kazmer, A. Kappeler). A contemporary German researcher E.-M. Stolberg attempted at summarizing various theoretical approaches representing the cultural history of Siberia within the political and socioeconomic frameworks, thus contributing to the development of the “frontier” theory, trans-regional and trans-cultural history. The author comes to **conclusion** that over the last century Western researchers demonstrated a variety of opinions: from the mostly negative attitudes in the early XX century to the mostly positive ones – in the contemporary historiography. While admitting failures in implementation of some governmental measures and specific situation in Southern and Eastern Siberia or in the Far East, contemporary authors tend to write about the migrations' positive impact on the social and economic development of Asian Russia. Focusing on the specifics of situation in Siberia they often underestimate the results of governmental policy aimed at unification of social groups and creation of a “big Russian nation” in Asia. However some historians (St. Marks, A. Wood and others) urge their colleagues not to exaggerate the success of “modernization” or specifics of the Siberian frontier. Such approach along with the use of a traditional theory of “colonization” resembles evaluations and forecasts made by the researchers at the beginning of the XX century.

REFERENCES

1. Stolberg, E.-M. (2009) *Sibirien: Russlands “Wilder Osten”. Mythos und Soziale Realitaet im 19. und 20. Jaahrhundert* [Siberia: Russia's “Wild East”. Myth and social realities in the 19th and 20th centuries]. Stuttgart: Franz Steiner Verlag.
2. Moon, D. (1999) *The Russian Peasantry, 1600–1930: The World the Peasants Made*. London & New York: Addison Wesley Longman Ltd.
3. Haxthausen, A. (1972) *Studies on the Interior of Russia*. Chicago: University Of Chicago Press.
4. Wallace, D. (1877) *Russia*. 2 vols. London: [s.n.].

5. Shashina, E.B. (1993) *Osnovnye napravleniya razvitiya rossiyevedeniya v SShA, 1960 – nachalo 1990-kh gg.* [The main directions of development of Russian Studies in the USA in the 1960s – early 1990s]. History Cand. Diss. Moscow.
6. Bolshakova, O.V. (2008) *Vlast' i politika v Rossii XIX – nachala XX veka. Amerikanskaya istoriografiya* [Power and Politics in Russia in the 19th – early 20 centuries. American historiography]. Moscow: Nauka.
7. Bicheroval, N.S. (2009) *Istoriya Rossii vtoroy poloviny XIX – nachala XX v. v sovremennoy amerikanskoj rusistike* [History of Russia in the second half of the 19th – early 20th centuries in modern American Russian Studies]. Abstract of history Cand. Diss. Ryazan.
8. Karagodin, A.V. (2001) *Izucheniye poreformennogo rossiyskogo krest'yanstva v sovremennoy zapadnoy rossiyevedenii: osnovnye kontseptsii, podkhody i perspektivy* [The study of the post-reform Russian peasantry in modern western Russian studies: Basic concepts, approaches and perspectives]. Abstract of History Cand. Diss. Moscow.
9. Karpachev, M.D. (1998) *Burzhuaiznyye reformy 1860–1880-kh gg. v otsenke angliyskoy i amerikanskoy burzhuaiznoy istoriografii* [Bourgeois reform of the 1860–1880s in the assessment of the British and American bourgeois historiography]. In: Karpachev, M.D. & Korotikh, M.G. (eds) *Burzhuaiznyye reformy v Rossii vtoroy poloviny XIX v.* [Bourgeois reforms in Russia in the second half of 19th century]. Voronezh: Voronezh State University.
10. Dorozhkin, A.G. (2005) *Ekonomicheskoe i sotsial'noe razvitiye Rossii vtoroy poloviny XIX – nachala XX vv. v germanoyazychnoy istoriografii XX v.* [Economic and social development of Russia in the second half of the 19th – early 20th centuries in German historiography of the 20th century]. History Doc. Diss. Moscow.
11. Zhuk, S.I. & Brooks, G. (2001) *Sovremennaya amerikanskaya istoriografiya o krest'yanstve poreformennoy Rossii* [The modern American historiography of the peasantry on the reformed Russia]. *Voprosy istorii*. 1. pp. 151–159.
12. Eklof, B. (1988) Ways of Seeing: Recent Anglo-American Studies of the Russian Peasant (1861–1914). *Jahrbuecher fuer Gechichte Osteuropas*. 36(1). pp. 57–79.
13. Channon, J. (1992) From muzhik to kolhoznik: some recent Western and Soviet Studies of Peasant in Late Imperial and early Soviet Russia. *Slavic and East Slavonic Review*. 70. pp. 127–139.
14. Zyryanov, P.N. (1973) *Sovremennaya anglo-amerikanskaya istoriografiya stolypinskoy agrarnoy reformy* [Modern Anglo-American historiography of the Stolypin agrarian reform]. *Istoriya SSSR*. 6. pp. 186–195.
15. Kovalchenko, I.D. & Selunskaya, N.B. (1971) *Amerikanskii istoriki o russkom krest'yanstve XIX v.* [American historians on the Russian peasantry of the 19th century]. *Istoriya SSSR*. 5. pp. 195–213.
16. Selunskaya, N.B. (1979) *Sovremennaya anglo-amerikanskaya burzhuaiznaya istoriografiya agrarnogo stroya Rossii epokhi kapitalizma* [Modern Anglo-American bourgeois historiography on the agrarian system of Russia during capitalism]. *Istoriya SSSR*. 4. pp. 229–240.
17. Selunskaya, N.B. (1980) *Kritika burzhuaiznykh kontseptsiy agrarnogo stroya Rossii nakanune Oktyabrya (K probleme predposylok Velikoy Oktyabr'skoy sotsialisticheskoy revolyutsii)* [Criticism of bourgeois concepts of the agrarian system in Russia on the eve of the October (On the preconditions of the Great October Socialist Revolution)]. Moscow: Znanie.
18. Selunskaya, N.B. & Shashina, E.B. (1992) *Stranitsy agrarnoy istorii Rossii v prochenii zapadnykh uchenykh* [Pages of the Russian agrarian history in the interpretation of Western scholars]. *Otechestvennaya istoriya*. 3. pp. 191–194.
19. Efimov, O.V. (1995) *Anglo-amerikanskaya istoriografiya reform P.A. Stolypina* [The Anglo-American historiography of the Stolypin reforms]. History Cand. Diss. St. Petersburg.
20. Selunskaya, N.B. (1999) *Kontseptsiya agrarnogo stroya Rossii v poreformennuyu epokhu* [Russian agrarian system in the post-reform era]. *Istoricheskie zapiski*. 2(120). pp. 187–209.
21. Bolshakova, O.V. (2012) *Agrarnye reformy P.A. Stolypina v sovremennoy angloyazychnoy istoriografii* [P.A. Stolypin's agrarian reform in modern English historiography]. *Rossiyskaya istoriya*. 2. pp. 164–172.
22. Shanin, T. (1982) *Roots of Otherness*. Vol. 1. Basingstoke: Springer.
23. Hock, S. (1996) *Mal'tus: Rost naseleniya i uroven' zhizni Rossii: 1861–1914 gody* [Malthus: The population growth and living standards in Russia: 1861–1914]. *Otechestvennaya istoriya*. 2. pp. 28–54.
24. Dubovskiy, G.Ya. (1973) *Kritika burzhuaiznoy falsifikatsii istorii sibirskoy derevni kanuna Velikoy Oktyabr'skoy revolyutsii* [Criticism of bourgeois falsification of the Siberian village history on the eve of the Great October Revolution]. In: Goryushkin, L.M. (ed.) *Bakhrushinskie chteniya-1973* [The Bakhrushin Readings–1973]. Novosibirsk: Novosibirsk State University. pp. 162–168.
25. Goryushkin, L.M. & Sagaydachnyy, A.N. (1983) *Anglo-amerikanskaya istoriografiya o roli inostrannogo kapitala v sel'skom khozyaystve Sibiri (1900–1917)* [The Anglo-American historiography on the role of foreign capital in the agricultural sector in Siberia (1900–1917)]. In: Kopylov, D.I. (ed.) *Revolutsiya 1905–1907 gg. na Urale i v Sibiri* [The Revolution of 1905–1907 in the Urals and Siberia]. Tyumen: Tyumen State University.
26. Perederiy, S.V. (1980) *K voprosu ob osveshchenii istorii Sibiri epokhi kapitalizma v sovremennoy anglo-amerikanskoj burzhuaiznoy istoriografii* [About the interpretation of the Siberian capitalist history in contemporary Anglo-American bourgeois historiography]. In: Zinoviev, V.P. (ed.) *Rabochie Sibiri v kontse KhKh – nachale XX v.* [Siberian workers in the late 19th – early 20th centuries]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 164–178.
27. Perederiy, S.V. (1984) *Sovremennaya amerikanskaya i angliyskaya burzhuaiznaya istoriografiya istorii Sibiri kontsa XIX v. – fevral' 1917 g.* [Modern American and British bourgeois historiography of Siberia of the late 19th century – February 1917]. History Cand. Diss. Tomsk.
28. Dorozhkin, A.G. (2007) *Resettlement policy of the autocracy and economic development of Siberia and the Far East in the late 19th – early 20th centuries in the German-language historical and economic literature. Rol' gosudarstva v khozyaystvennom i sotsiokul'turnom razvitiy Aziatskoy Rossii XVII – nachala XX veka* [The state's role in economic and socio-cultural development of the Asian part of Russia in the 17th – early 20th centuries]. Rproc. of the Regional Conference. Novosibirsk. pp. 41–49. (In Russian).
29. Wiedenfeld, K. (1900) *Die Sibirische Bahn in ihrer wirtschaftlichen Bedeutung* [The Siberian Railway in its economic significance]. Berlin, Heidelberg: Springer-Verlag.
30. Klumberg, W. (1914) *Die Kolonisation Rußlands in Sibirien* [The Colonization of Russia in Siberia]. Dissertation. Zürich: Gebr. Leemann.
31. Dietze, C. (1920) *Stolypinsche Agrarreform und Feldgemeinschaft* [Stolypin's agrarian reform and co-operation]. Berlin: Leipzig u Berlin Teubner.
32. Hoetzsch, O. (1917) *Russland. Eine Einführung auf Grund seiner Geschichte vom japanischen bis zum Weltkrieg* [Russia. An introduction based on its history from the Japanese to the World War]. Berlin: Reimer.
33. Wiedenfeld, K. (1913) *Russlands Stellung in der Weltwirtschaft* [Russia's position in the world economy]. In: Sering, M. (ed.) *Russlands Kultur und Volkswirtschaft* [Russia's culture and national economy]. Berlin-Leipzig. pp. 247–283.
34. Schlesinger, M.L. (1908) *Russland im XX Jahrhundert* [Russia in the 20th century]. Berlin: Dietrich Reimer.
35. Seraphim, H.-J. (1923) *Die ländliche Besiedlung Westsibiriens durch Russland* [The rural settlement of Western Siberia in Russia]. Jena: Fischer.
36. Robinson, G.T. (1972) *Rural Russia Under the Old Regime: A History of the Landlord-Peasant World and a Prologue to the Peasant Revolution of 1917*. Berkeley; Los Angeles: University of California Press.
37. Baikalo, A.V. (1932) *The Conquest and Colonization of Siberia. The Slavonic and East European Review*. 10(30). pp. 557–571.
38. Bolkhovitinov, N.N. (2005) *Russkie uchenye-emigranty (G.V. Vernadskiy, M.M. Karpovich, M.T. Florinskiy) i stanovleniye rusistiki v SShA* [Russian scientists-emigrants (G.V. Vernadsky, M. Karpovich, M.T. Florinskiy) and the establishment of Russian Studies in the United States]. Moscow: ROSSPEN.
39. Treadgold, D. (1957) *The Great Siberian Migration: Government and Peasant in Resettlement from Emancipation to the First World War*. Princeton, New Jersey: Princeton University Press.
40. Macey, D.A. (1987) *Government and Peasant in Russia, 1861–1906. The Prehistory of the Stolypin Reforms*. De Kalb: Northern Illinois University Press.

41. Macey, D.A. (1990) The Peasant Commune and the Stolypin Reforms: Peasant Attitudes, 1906–1914. In: Bartlett, R. (ed.) *Land Commune and Peasant. Community in Russia*. New York: St. Martin's Press. pp. 219–236.
42. Spiess, K. (1980) *Periphere Sowjetwirtschaft. Das Beispiel Russisch-Fernost 1897–1970* [Peripheral Soviet Economy. A case study of Russian Far East 1897–1970]. Zuerich: Steiner, Franz.
43. Moritsch, A. (1986) *Landwirtschaft und Agrarpolitik in Russland vor der Revolution* [Agriculture and agricultural policy in Russia before the revolution]. Wien-Koeln-Graz: Boehlau Verlag.
44. Landgraf, D. (1989) *Amur, Ussuri, Sachalin. 1847–1917* [Amur, Ussuri, Sakhalin. 1847–1917]. Muenchen: Hieronymus.
45. Deeg, L. (1996) *Kunst und Albers, Wladiwostok. Die Geschichte eines deutschen Handelshauses im russischen Fernen Osten. 1864–1924* [Kunst and Albers, Vladivostok. The history of a German trading house in the Russian Far East. 1864–1924]. Essen: Klartext-Verlagsges.
46. Kazmer, D.R. (1977) Agricultural development on the frontier: the case of Siberia under Nicholas II. *American Economic Review*. 67(1). pp. 429–432.
47. Lewis, W.A. (1954) Economic Development with Unlimited Supplies of Labour. *The Manchester School of Economic and Social Studies*. May. pp. 400–449. DOI: 10.1111/j.1467-9957.1954.tb00021.x
48. Kappeler, A. (1997) Chochly und Kleinrussen: Die ukrainische laendliche und staedtische Diaspora in Russland vor 1917 [Chochly and Kleinrussen: The Ukrainian rural and urban diaspora in Russia before 1917]. *Jahrbuecher fuer Geschichte Osteuropas*. 45(1). pp. 48–63.
49. Anderson, B.A. (1980) *Internal Migration during Modernization in Late Nineteenth-Century Russia*. Princeton: Princeton University Press.
50. Stebelsky, I. (1982) Barbara A. Anderson. Internal Migration during Modernization in Late Nineteenth-Century Russia / Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1980. *Harvard Ukrainian Studies*. 6(3). pp. 421–423.
51. Hagen, M. von. (1993) Ukrainian Past, Ukranian Present. Selected papers from the Fourth World Congress for Soviet and East European Studies. Harrogate, 1990. Ed. by B. Krawchenko. New York: St. Martin's Press, 1993. *Harvard Ukrainian Studies*. 17(314). pp. 387–389.
52. Schenk, F.-B. (2014) *Russlands Fahrt in die Moderne. Mobilitaet und sozialer Raum im Eisenbahnzeitalter* [Russia's journey into modernity. Mobility and social space in the railway era]. Stuttgart: Franz Steiner Verlag.
53. Schenk, F.-B. (2011) Mastering Imperial Space? - The Ambivalent Impact of Railway-Building in Tsarist Russia. In: Leonhard, J. & Hirschhausen, U. von (eds) *Comparing Empires: Encounters and Transfers in the Long Nineteenth Century*. Goettingen: Hubert & Co. pp. 60–78.
54. Narskiy, I.V. (2016) Rez. na: F.B. Schenk. Russlands Fahrt in die Moderne. Mobilitaet und sozialer Raum in Eisenbahnzeitalter [Review: F.B. Schenk. Russia's journey into modernity. Mobility and social space in railway age]. *Rossiyskaya istoriya*. 5. pp. 208–212.
55. King, A.D. (2006) The Siberian Studies Manifesto. *Sibirica*. 5(1). pp. 5–15. DOI: 10.3167/136173606780265298
56. Etkind, A. (2011) Fuko i tezis vnutrenney kolonizatsii: postkolonial'nyy vzglyad na sovetskoe proshloe [Foucault's thesis of internal colonisation: the post-colonial view of the Soviet past]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 3. pp. 50–73.
57. Sunderland, W. (2010) The ministry of Asiatic Russia: The colonial office that never was but might have been. *Slavic rev. Urbana – Champaign*. 69(1). pp. 120–150. DOI: 10.2307/25621731
58. Sazonova, T.K. (2012) Kolonializm i tekhnokratiya v Rossii kontsa XIX – nachala XX v. [Colonialism and technocracy in Russia in the late 19th – early 20th centuries]. *Referativnyy zhurnal "Istoriya"*. 2. pp. 75–82.
59. Marks, S.G. (1995) Conquering the Great East: Kulomzin, Peasant Resettlement, and the Creation of Modern Siberia. In: Kotkin, S. & Wolff, D.A. (eds) *Rediscovering Russia in Asia: Siberia and the Russian Far East*. New York, London: Routledge. pp. 23–39.
60. Breyfogle, N.B., Schrader, A. & Sunderland, W. (eds) (2007) *Peopling the Russian Periphery: Borderland colonisation in Eurasian history*. London, New York: Routledge.
61. Steinwedel, Ch. (2007) Resettling People, Unsettling the Empire: Migration and the Challenge of Governance, 1861–1917. In: Breyfogle, N.B., Schrader, A. & Sunderland, W. (eds) (2007) *Peopling the Russian Periphery: Borderland colonisation in Eurasian history*. London, New York: Routledge. pp. 128–147.
62. Sunderland, W. (2004) *Taming the Wild Field: Colonization and Empire on the Russian Steppe*. Ithaca: Cornell University Press.
63. Dahlmann, D. (2009) *Sibirien. Vom 16 Jahrhundert bis zur Gegenwart* [Siberia. From the 16th century to the present]. Paderborn: Schöningh.
64. Remnev, A.V. (2011) [Domestic geopolitics of Asian Russia in the late 19th – early 20th centuries: National and colonial contexts]. *Demograficheskoe prostranstvo Azii: istoriya, sovremennost' i gipotezy budushchego* [Demographic space Asia: Past, Present and Future of the hypothesis]. Proc. of the International Conference. Novosibirsk: Parallel'. pp. 184–203. (In Russian).